
АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ
ПАНДОРА В КОНГО
Санчес Пиньоль мешает фантастику, любовь и хоррор, и этот пьянящий коктейль поможет выжить в страшных джунглях.
ABC
18+
В переводе Нины Авровой-Раабен

Альберт Санчес Пиньоль
Пандора в Конго
Серия «Большой роман (Азбука)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74707471
Пандора в Конго: роман / Альберт Санчес Пиньоль ; пер. с каталан. Н. Авровой-Раабен.: Азбука, Издательство АЗБУКА; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-389-35434-0

Аннотация

1914 год, Лондон. Некто Маркус Гарвей сидит в тюрьме за двойное убийство братьев Крейвер, английских аристократов, у которых находился в услужении. Вместе они отправились на поиски несметных сокровищ Конго, но из Африки вернулся только Маркус – с двумя гигантскими алмазами и жуткой историей о том, что таится в глубинах сельвы под землей и грозит пожрать весь мир.

Томми Томсон, начинающий литератор и очень невезучий литературный негр, мечтает сочинить роман и мигом соглашается, когда адвокат Маркуса предлагает написать книгу о том, что случилось с его подзащитным в Африке. Как погибли братья Крейвер? Какие зверства скрывает сельва? Возможна ли любовь посреди беспросветного ужаса? День за днем Томми Томсон посещает тюрьму, слушает Маркуса и пытается распутать

вдохновенную повесть о зловещих событиях, которые выпали англичанам в сердце африканской тьмы.

Альберт Санчес Пиньоль – ученый-антрополог, одна из крупнейших и наиболее самобытных звезд каталанской литературы. Он творец удивительных миров, в которых перемешивается реальное и фантастическое, а человек снова и снова сталкивается с Иными в лучших традициях Лавкрафта, Конрада и Стивенсона. «Пандора в Конго» – его второй роман, блестящий пастиш, глубокое переосмысление жанра приключенческой литературы в духе Эдгара Райса Берроуза, Хаггарда и Буссенара и пародия на нее, притча о силе воображения и поисках истины, наглядное напоминание о том, что в любой хорошей истории истина неуловима и все не то, чем кажется.

Перевод публикуется в новой редакции.

Содержание

Пресса об Альберте Санчесе Пиньоле 7
1 18
2 49
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Альберт Санчес Пиньоль
Пандора в Конго

Серия «Большой роман»

Albert Sánchez Piñol
PANDORA AL CONGO
Copyright © Albert Sánchez Piñol, 2005
All rights reserved

В переводе с каталанского *Нины Авровой-Раабен*

© Н. Аврова-Раабен, перевод, 2007, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

Пресса об Альберте Санчесе Пиньоле

Альберт Санчес Пиньоль – великий литературный зодчий, истинный мастер. Его романы страшно увлекательны, и он умеет сделать так, чтобы у читателей замирало сердце и им не терпелось узнать, что будет дальше.

La Lectora

Мы не первые говорим о том, что в каталанской литературе сложилось новое поколение безудержных творцов. Так вот, Альберт Санчес Пиньоль поистине не знает удержу… Он один из самых важных каталонских писателей современности.

La Vanguardia

Санчес Пиньоль – великий рассказчик из племени Александра Дюма. Коварный и жизнелюбивый, он превращает манипуляцию в искусство и дарит нам необычайное наслаждение – некую безбрежную эйфорию.

Télérama

Альберт Санчес Пиньоль стремительно восходит на пьедестал самого читаемого каталонского автора всех времен.

El Periódico

Прибегая к рецептам классики бульварной литературы, Санчес Пиньоль с потрясающей элегантностью исследует природу истины и любви.

Booklist о «Пандоре в Конго»

Второй роман Санчеса Пиньоля – прихотливое метаповествование, пародия на приключенческую литературу, история, рассказанная с большим воодушевлением. Санчес Пиньоль пишет о проблемах восприятия, о природе литературы, о нашей потребности в героях и о пагубе гордыни. Это умнейшая книга, и вопросы, которые ставит автор, пронзают нас насквозь, а приключенческий сюжет, в который все это упаковано, страшно увлекателен.

Publishers Weekly о «Пандоре в Конго»

Второй роман Санчеса Пиньоля и масштабом, и широтой воображения превзошел первый… Эту книгу полюбят и доктора наук, и поклонники Индианы Джонса.

Library Journal о «Пандоре в Конго»

От этого бурлеска, полного фантастических приключений и небылиц, невозможно оторваться.

Financial Times о «Пандоре в Конго»

Ошеломительное историческое приключение.
Scotland on Sunday о «Пандоре в Конго»

Вторая книга Санчеса Пиньоля – чистая радость. Потому что это изумительный приключенческий роман в традициях Генри Райдера Хаггарда и Эдгара Райса Берроуза. Потому что это язвительная пародия на приключенческие романы в традициях Генри Райдера Хаггарда и Эдгара Райса Берроуза… И однако, «Пандора в Конго» лишена и яда, и цинизма. Чистая радость и человеколюбие.
Daily Beast о «Пандоре в Конго»

Воистину полный сюрпризов ящик Пандоры – оригинальная композиция, блестящее повествование, плотный и напряженный роман.
La Nación о «Пандоре в Конго»

Потрясающая, великая литература.
Für Sie о «Пандоре в Конго»

Санчес Пиньоль мешает фантастику, любовь и хоррор, и этот пьянящий коктейль поможет выжить в страшных джунглях.
ABC о «Пандоре в Конго»

Под разными призмами структурной антропологии рас-

сматривая всевозможные наши ожидания – расовые, культурные, литературные, – «Пандора в Конго» сплавляет воедино иронию «Темнейшей Англии» Кристофера Хоупа с многоликой витальностью «Книги рыб Гоулда» Ричарда Фланагана. Выходя за пределы реальной постколониальной политики (которая сковывала бы, скажем, британского писателя) в царство гиперболической фантазии, где давным-давно обосновался Умберто Эко, «Пандора в Конго» выводит Альберта Санчеса Пиньоля в ряды важнейших европейских писателей.

The Guardian о «Пандоре в Конго»

Динамичная приключенческая история в лучших традициях Генри Райдера Хаггарда, но также пародия на эти традиции и тонкое рассуждение о власти литературного воображения… Оригинальность Альберта Санчеса Пиньоля кроется в его тематике и великолепно структурированных сюжетах. Это потрясающий и совершенно уникальный роман.

The Independent о «Пандоре в Конго»

Восхитительно странная вещь… приключенческий роман, достойный Эдгара Райса Берроуза.

The Times о «Пандоре в Конго»

Такой завораживающий ужас мы не испытывали со времен «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Эд-

гара Аллана По.

Пере Жимферрер, каталонский писатель, о «Холодной коже»

Успех этого романа объясняется не только его литературными достоинствами, но и уникальной его природой.

La Vanguardia о «Холодной коже»

Блистательный роман, который оправдывает само существование Литературы с заглавной буквы «Л», – из тех книг, что зачаровывают читателя с первых же слов.

El Cultural о «Холодной коже»

Этот роман – лихорадочная греза, и ее внутренняя логика завораживает сильнее, чем «Песни Мальдорора». Оторваться невозможно.

Charlie Hebdo о «Холодной коже»

«Робинзон Крузо», увиденный «сквозь тусклое стекло, гадательно». Невероятно. По чувствам бьет тараном.

Kirkus Reviews о «Холодной коже»

Ритм гипнотизирует, а мастерски выстроенная история не раскрывает интригу до самого конца.

Der Spiegel о «Холодной коже»

Головокружительная, клаустрофобная история о страхе и желании.

MÍA о «Холодной коже»

Роман, в котором слышны отзвуки Говарда Филлипса Лавкрафта, Джозефа Конрада и Роберта Льюиса Стивенсона. Сюжет захватывает с первых же строк – и мы наслаждаемся, как в юности наслаждались романами Жюля Верна, Фенимора Купера и Джека Лондона.

Diario de Jerez о «Холодной коже»

Первый роман Санчеса Пиньоля – тонко, с большим мастерством выстроенная аллегория человеческого зверства, колдовская и отталкивающая.

Publishers Weekly о «Холодной коже»

Совершенно оригинальная концепция… вопросы, которые задает автор в этом романе, будут преследовать вас еще долго.

Bookmarks Magazine о «Холодной коже»

«Молитва к Прозерпине» – очень многообещающий роман: приключения и интриги, жестокий и завораживающий Древний Рим из альтернативной вселенной, разношерстные персонажи и их трансцендентный квест, невозможные чудовища, этико-политические фантазии и великий талант рас-

сказчика. «Молитва к Прозерпине» – история о том, на что готов пойти человек или целый народ, чтобы избежать конца света.

Ara Llibres о «Молитве к Прозерпине»

Альберт Санчес Пиньоль отправляется в Древний Рим на бой с новыми чудовищами. В своем седьмом романе автор с наслаждением рассказывает хулиганскую историю, погружая читателя в параллельную реальность, населенную древними римлянами и подземными чудовищами-тектонами. «Тектонов я знаю не первое десятилетие. Мы знакомы очень близко. Эти монстры – худшая часть нас самих», – говорит Санчес Пиньоль. Он антрополог, и это образование помогает ему изобразить агрессивный, бессовестный социум, в котором наивысшая ценность – индивидуализм.

The New Barcelona Post о «Молитве к Прозерпине»

В «Молитве к Прозерпине» Альберт Санчес Пиньоль вновь возвращается к схеме, которую мы уже видели в предыдущих его романах, особенно в «Холодной коже». Здесь есть реалистичный контекст – Древний Рим; исторические персонажи – Юлий Цезарь, Цицерон, Помпей; подробно описанный и глубоко прочувствованный подлый мир Римской республики и его властей предержащих, развращенных и лишенных совести. Здесь есть излюбленная тема Санчеса Пиньоля – власть, которая плевать хотела на людей.

И знакомый нам стиль – хулиганский, почти вызывающий юмор, ирония, россыпи афоризмов. И скептический взгляд на человечество здесь тоже есть. Я полюбил этот роман – ничего не могу с собой поделать.

Llibres, i punt! о «Молитве к Прозерпине»

Автор помещает действие в эпоху Римской республики, но не той, которая известна нам. «Молитва к Прозерпине» – приключенческий роман, и изображенные в нем исторические события отсылают к проблемам, которые живо волнуют нас сегодня.

Núvol о «Молитве к Прозерпине»

Барселонский автор возвращается к корням – к «Холодной коже», первой своей книге, которая принесла ему успех и славу. «Молитва к Прозерпине» – якобы исторический роман, однако в нем масса фантастического; сюрпризы здесь на каждом шагу, остроумие и фантазия блистают… Но главное – приключения. И странствия. С великим тщанием и мастерством Санчес Пиньоль рассказывает сложную, целостную историю. Он никогда не теряет бдительности, а потому напряжение не спадает ни на миг, и в батальных сценах мы слышим звон оружия и тяжелое дыхание воинов, видим их пот, как на лучших страницах «Илиады».

Zenda о «Молитве к Прозерпине»

Как обычно у Санчеса Пиньоля, в «Молитве к Прозерпине» все не то, чем кажется. Роман читается на нескольких уровнях – нужно вглядываться, погружаться, чтобы не упустить важного. Удачно, что автор, прежде чем стать писателем, был антропологом: эта профессия подарила ему инструментарий для сотворения новых цивилизаций.

L'illa dels Llibres о «Молитве к Прозерпине»

В «Молитве к Прозерпине» Альберт Санчес Пиньоль постулирует «идеальную дилемму».

Europa Press о «Молитве к Прозерпине»

Роман Альберта Санчеса Пиньоля отважно и наглядно вскрывает мифы и манипуляции, кто бы их ни творил.

Артуро Перес-Реверте о «Побежденном»

«Побежденный» – магнетический роман: невозможно оторваться от этой истории, отмахнуться от ее чар… Главный герой поистине укоренен в своей эпохе, как будто порожден воспоминаниями, скажем, Джакомо Казановы, с которым у него много общего.

La novela antihistorica о «Побежденном»

Редко попадается такая книга, про которую ясно, что ее будут читать с неугасающим пылом даже сто лет спустя. Исторический эпик Пиньоля потрясает масштабом и детально-

стью.

Upcoming4me.com о «Побежденном»

Рассуждение о власти, зле и тирании, с блестяще закрученной напряженной интригой.

El País о «Чудовище Святой Елены»

Не отпустит читателя до последней страницы.

Público о «Чудовище Святой Елены»

Этот роман доходит до самого края света, проверяя на прочность любовь и идеалы, преображая историческое в фантастическое.

The New Barcelona Post о «Чудовище Святой Елены»

Конго. Представим себе часть суши, равную Англии, Франции и Испании, вместе взятым. Потом представим, что все это пространство покрывают деревья от шести до шестидесяти метров высотой. А под деревьями ничего нет.

Почему я снова пишу ту же книгу, ту же самую историю? Прошло больше шестидесяти лет с тех пор, как она была написана. В свое время книга наделала много шума, заслужила немало похвал: прекрасные отзывы о ней сыпались как из рога изобилия.

Вчера, после долгого перерыва, мне захотелось ее пере-

читать. Это было мое собственное творение, однако теперь я не мог отождествить себя с тем желторотым юнцом, который его написал. Страницы книги сопровождали меня всю жизнь. Но сейчас они не взволновали меня.

Зачем мне понадобилось снова рассказать эту историю? Ради нее? Не знаю. Может быть, ради того, что еще важнее.

Когда все было кончено, я написал ей стихи.

Любимая Амгам.
Ты – подземный туман.
Я – бескрылый крот.
Между нами – вся твердь земли.
Случалось тысячи раз:
Винчестер и Смит и Вессон,
Склизкое желе глаза
И трупики тараканов,
Утонувших в бутылке шампанского.
Никому узнать не дано:
Вертикальные войны,
Факелы под моросящим дождем
И тепло кофеварки
Под кожей белее муки.

Это скверные стихи, я на их счет не заблуждаюсь. Книга, написанная по чужому сценарию, не была моей книгой. Сейчас я могу дать себе волю.

Конго. Зеленый океан. А под деревьями ничего нет.

1

Эта история началась с трех похорон и закончилась одним разбитым сердцем – моим. Летом 1914 года мне исполнилось девятнадцать лет, и я был полуастматиком, полупацифистом и полуписателем. Полуастматик – потому что кашлял вдвое меньше, чем больные, но вдвое больше, чем здоровые люди. Полупацифист – поскольку у меня не хватало пороху, чтобы выступать против войн, я просто отказывался в них участвовать. Полуписатель – потому как слово «писатель» слишком громкое; даже называть себя «полуписателем» было с моей стороны преувеличением. Я занимался тем, что писал книги на заказ. Иными словами, был литературным негром. (В издательском мире неграми зовут тех, кто пишет книги, которые подписывают другие.)

Кто в наше время помнит о докторе Лютере Флаге? Никто. И забыт он вполне заслуженно. Но до Первой мировой его книги пользовались немалым успехом. Он был одним из авторов дешевых романов. Действие всех историй доктора Флага (мне так никогда и не удалось узнать, имел ли он эту ученую степень) происходило в Африке, и они всегда занимали ровно восемьдесят страниц. На четвертой стороне обложки всегда помещалась одна и та же фотография доктора Флага – человека с густой седой шевелюрой и бородой прямоугольной формы, которого судьба вела прямым

путем мудрости. Склонившись над столом, где была разложена огромная карта Черного континента, он указывал пальцем в какую-то точку, другой рукой держа перед правым глазом монокль. В его взгляде угадывалось множество тайн.

Трудно найти на свете место, которое бы могло подарить писателю столь обширный набор элементов для повествования, как Черная Африка. Масаи, зулусы, восставшие буры. Саванна и джунгли. Слоны, крокодилы, бегемоты и львы. Следопыты и охотники. И все это вместе. Располагая таким набором ингредиентов, волновавших воображение, и обладая некоторой фантазией, написать дюжину простеньких историй не стоило большого труда. Однако доктор Флаг стал самым продуктивным из всех английских авторов. Вот уже двадцать лет подряд он публиковал три повести в неделю. Если каждая из них занимала ровно восемьдесят страниц, нетрудно сосчитать, что за семь дней их число достигало двухсот сорока. В среднем, если я не ошибаюсь в расчетах, 34,2 страницы в день. Но скажите мне, кому под силу писать по 34,2 страницы в день двадцать лет подряд? Никому.

В то время судьба свела меня с неким Фрэнком Струбом. Струб был негром доктора Лютера Флага. Он предложил мне работу. Поскольку доктор Флаг платил ему постранично, Струб был заинтересован в том, чтобы писать как можно больше страниц в день. У него была жена и трое детей, а трое детей – прекрасный стимул для сверхурочной работы. Однако всему есть предел. Поработав некоторое время на докто-

ра Флага, Струб дошел до полного нервного истощения.

Несмотря на недавнее знакомство, между нами завязались довольно непринужденные отношения. Однажды он пригласил меня пообедать в дешевом ресторане на севере Лондона. Заведение было набито пролетариями; мы орудовали приборами, прижимая локти к бокам, словно куры в тесном курятнике. Гомон стоял невообразимый. Чтобы понять друг друга, мы вынуждены были орать, подобно глашатаям на площади, несмотря на то что сидели друг против друга.

– Послушай, Томми, – сказал Струб, покончив с десертом, – если дело пойдет так и дальше, меня отправят в сумасшедший дом. Я обязан сдавать старикану свою порцию страниц каждую неделю. Если не сдам, он меня рассчитает. У него такая манера: выжимает из негра последние соки, а когда тот выдыхается, ищет нового. Я не могу потерять эту работу, Томми, у меня трое детей.

– Черт подери, Фрэнк, – проговорил я сочувственно, – это ужасно.

– Мне пришло в голову, что ты мог бы мне помочь. Я буду тебе платить немного меньше, чем он платит мне. Я заработаю небольшие комиссионные с тех страниц, которые напишешь ты, это правда. Но пойми, у меня трое детей. Кроме того, ты еще зеленый, у тебя никакого литературного опыта. Я беру на себя определенный риск.

Я колебался, однако ему хотелось решить дело поскорее.

– Не беспокойся, – сказал Фрэнк, – тебе придется просто

следовать литературным сценариям старого Флага. И помни: восемьдесят страниц, ни больше ни меньше. Это требование типографии. Ну что, хочешь получить свой первый сценарий? – спросил он, подмигивая мне. – Конечно хочешь, тебе не терпится написать свою повесть. Тогда бери.

И Струб протянул мне пару страничек машинописного текста. Не успев даже вытереть губы салфеткой, он поднялся из-за стола:

– Официант! Этот молодой человек за меня расплатится. – И, обращаясь ко мне, добавил: – Ты ведь не будешь против, Томми? По правде говоря, я нашел тебе приличную работу. Даже больше чем работу – возможность вознестись на Парнас. Ну, я пошел. Моя сегодняшняя порция страниц еще не закончена.

– А когда надо сдать эту книгу? – спросил я.

Струб засмеялся:

– Когда? Вчера надо было сдать. Действуй.

Придя домой, я прочитал эти странички. У меня создалось впечатление, что у доктора Флага не хватало времени даже на то, чтобы отредактировать свои сценарии. Текст был напечатан на машинке наспех и весьма небрежно. Сценарий назывался «Пандора в Конго». Он стал моим первым контактом с индустрией литературного творчества. Наверное, именно поэтому текст сохранился у меня до сих пор. Вот он.

Пандора в Конго

Глава 1

– Опишите Молодого Пастора Англиканской Церкви.

– Героя направляют сопровождать Святых Отцов, которые возвращаются в свою Миссию в Африке.

(Помните, что герой ВСЕГДА должен быть молод и ПРИВЛЕКАТЕЛЕН, а для описания молодости и КРАСОТЫ нам нужны ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ. Я давно убедился в том, что искусство использования прилагательных вам незнакомо. Однако теперь я начинаю подозревать, что для ваших умственных способностей, чрезвычайно ограниченных, недоступны даже понятия МОЛОДОСТИ И КРАСОТЫ.)

ВСЕГО страниц в первой главе: 5.

Глава 2

– Духовная борьба в Миссии; герой ощущает, что его Вера колеблется, после того как в Африке ему пришлось столкнуться с низменной сутью язычества. Дело в том, что Черный континент может очень легко превратиться в Ящик Пандоры, откуда появляются чудовища и привидения, стоит только его открыть. (Теперь до вас дошло значение названия романа?)

– Герой удаляется в сельву, чтобы предаться там размышлениям. Лев собирается Сожрать его. Герой

Приручает Льва и Называет его СИМБА.

– Герой и СИМБА (не забудьте, что это прирученный Лев) продолжают вместе свой путь вглубь сельвы. Они заблудились, но обнаружили Римский Каструм!!!

(Примечание. Каструм – это военный лагерь римлян. Дело вовсе не в том, что я сомневаюсь в вашей образованности. Если я и привожу здесь значение слова «каструм», то лишь потому, что сомневаюсь в вашей способности найти в словаре какое бы то ни было слово, хотя бы из двух слогов.)

– В лагере, скрытом в сельве, находятся остатки римского легиона, заблудившегося там в I веке до Рождества Христова во время поисков истоков Нила. Колония постепенно уменьшалась, и на настоящий момент в ней осталось только два истинных легионера, светлокожих и воинственных.

(Совершенно очевидно, что мы НЕ можем привести какого-либо удовлетворительного объяснения, которое бы оправдало возможность сохранения генетического кода в глубине сельвы и без всякого участия женской утробы. Ничего не поделаешь, это типичная проблема повествования, когда не остается ничего иного, как прибегнуть к ТЕОРИИ СПОР.)

– Два римских легионера ведут не слишком напряженную борьбу с племенами пигмеев, населяющих эти края. Это крайне воинственные существа, склонные к антропофагии и коллекционирующие черепа.

ВСЕГО страниц во второй главе: 25.

Глава 3

– Герой сомневается в том, что ему следует доносить до легионеров БЛАГУЮ ВЕСТЬ (они не имеют о ней ни малейшего понятия, потому что их предки покинули пределы Римской империи в I веке до Рождества Христова, не забудьте об этом).

– Поскольку герой боится, что он сам потерял веру, ему кажется нелогичным внушать евангельские истины легионерам. (Вам понятна эта душевная тонкость???????? Надеюсь, что да.)

ВСЕГО страниц в третьей главе: 5.

Глава 4

– Страшная битва между ордами пигмеев-антропофагов, которые штурмуют лагерь, и римскими легионерами, которые его защищают. Герой принимает участие в обороне, и Симба тоже.

– Герой проводит научный эксперимент для изучения двух пигмеев, взятых в плен во время битвы. Перед публикой он трепанирует их черепа; в результате ему удается доказать, что они НЕ принадлежат к роду человеческому, в отличие от легионеров, которые, как я сказал раньше, светлокожи и говорят на латыни.

– Я забыл упомянуть, что два легионера приютили у себя принцессу банту, очень красивую, но чернокожую, которая заблудилась в сельве и набрела на лагерь. Два брата очень любят ее, но, поскольку оба крайне целомудренны, пальцем ее НЕ трогают.

(ПОДЧЕРКНИТЕ это.) Наш герой тоже влюбляется в нее. Сложная внутренняя борьба между плотской страстью и стремлением к святости.

ВСЕГО страниц в четвертой главе: 15.

Глава 5

– Новый штурм пигмеев, на сей раз их целые полчища. Миллионы пигмеев атакуют Каструм и уничтожают двух легионеров, несмотря на их героическое сопротивление. Героя при этом, естественно, не убивают, иначе повесть бы закончилась. Его берут в плен. Симбу ранят в лапу. Чувствуя приближение гибели, герой велит ему бежать, невзирая на сопротивление верного Симбы, который отказывается покинуть своего хозяина. В конце концов Симба все-таки подчиняется ему и углубляется в чащу. Прежде чем вернуться в свой город, устроенный на ветвях деревьев, пигмеи проводят ночь в лагере. Героя и принцессу они привязывают к двум параллельным столбам. Принцесса признается нашему герою, что безумно влюблена в него!!!! Но путы не позволяют ему поддаться плотскому искушению. (Если мы ловко это опишем, то избежим появления в рассказе греховных сцен, которые всегда неуместны. Оцените-ка мою повествовательную тактику! Этому явлению, голубчик, которое не известно вам ни одним из своих проявлений, есть название: Т-А-Л-А-Н-Т.)

– Пигмеи уводят с собой героя в качестве трофея. Принцесса банту остается в лагере с небольшим

отрядом пигмеев, которым поручено продать ее арабским работорговцам. Как только герой оказывается в древесном городе пигмеев, они устраивают большой праздник. (Это племя живет в хижинах, построенных на ветвях деревьев; опишите их как обезьян, у которых довольно умелые руки.) Жуткое ночное зрелище. Пигмеи готовят огромный котел, в котором они собираются сварить героя. Они пьют кровь из черепов легионеров, погибших в сражении. Оргия: миллионы пигмеев танцуют и прелюбодействуют повсюду, точно тучи комаров. (Оргия оргией, но поаккуратнее с эротическими сценами. От такого извращенца, как вы, чего угодно можно ожидать.)

ВСЕГО страниц в пятой главе: 10.

Глава 6

– На следующее утро пигмеи хотят сварить и сожрать нашего героя. Пленник предупреждает их, что, стоит им до него дотронуться, «он погасит солнце». (Это, само собой разумеется, солнечное затмение, которое указано в астрономическом календаре.) Ужас пигмеев, когда солнце скрывается. Симба, который, несмотря на раны, разыскал своего хозяина, яростно нападает на пигмеев, приводя их в замешательство!

– Герой и Симба скрываются.

ВСЕГО страниц в шестой главе: 15.

Глава 7

– Герой и Симба без малейшего труда уничтожают

немногочисленных пигмеев, которые остались в Римском Каструме, чтобы охранять пленницу. Триумфальное освобождение принцессы.

– Пережитые события укрепили ВЕРУ героя в Бога. Принцесса испытывает разочарование, когда ее возлюбленный отказывается жениться на ней (приведите какие-нибудь убедительные доводы, какие хотите, но свадьбы быть НЕ должно. Черномазые не выходят замуж за англичан. Несчастная любовь гораздо выгоднее в литературном отношении, ВСЕГДА ПОМНИТЕ ОБ ЭТОМ). Принцесса банту, Симба и наш герой возвращаются в Англию. Кроме того, он увозит с собой одного особенно мелкого пигмея, настоящего пигмея-карлика, в качестве научного экспоната.

– Принцесса банту очень счастлива в монастыре. Лев Симба и пигмей-карлик очень счастливы в зоопарке. Герой регулярно навещает их и поддерживает со всеми исключительно дружеские отношения.

– Все эти приключения герой вспоминает много лет спустя, будучи архиепископом Кентерберийским и весьма уважаемым лицом в церковных кругах.

ВСЕГО страниц в седьмой главе: 5.

КНИГА В ЦЕЛОМ: 80 СТРАНИЦ.
КОНЕЦ ПАНДОРЫ В КОНГО
НЕ ОТКЛОНЯЙТЕСЬ ОТ СЦЕНАРИЯ!
НЕ ЖАЛЕЙТЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ!!
НЕ ЗАБУДЬТЕ О СРОКЕ СДАЧИ РУКОПИСИ!!!

Вспоминая дни, последовавшие за прочтением сценария,

я не перестаю удивляться собственной наивности. Увы, я был очень молод, и возможность публикации моего произведения внушала мне некий священный трепет. Отсутствие на обложке моего имени или то, что обложка эта будет мягкой, большого значения не имело. Если книга не придется по вкусу доктору Флагу, пострадают Фрэнк Струб и его трое детей. А мне совсем не хотелось, чтобы бедная семья расплачивалась за мою литературную неопытность.

Я воздержусь от комментариев насчет сюжета книги. «Пандора в Конго» была самым обычным дерьмом производства доктора Лютера Флага. Но, повторюсь, речь шла о моей первой книге – не важно, хорошей или плохой, – и ради этого стоило потрудиться на совесть. Я решил тщательно собрать информацию и заперся в публичной библиотеке. На третий день поисков мои выводы оказались немногочисленными, но бесспорными:

1) пигмеи не были антропофагами;

2) львы в сельве не живут;

3) в чем, черт возьми, состоит Теория Спор?

Отдавая дань воображению и несколько расширив рамки поэтической вольности, я мог допустить, что герой приручил льва. Или что целый римский легион заплутал в окрестностях Нила. Относительно пигмеев я никогда раньше не задавался вопросом, принадлежат ли они к роду человеческому. Но к моему ужасу, все этнографы описывали их как самое мирное человеческое сообщество, построенное на принци-

пах анархии. Как же тогда они могли создать империю? Следовательно, пигмеев доктора Флага просто не существовало. А без полчищ пигмеев-каннибалов не могло быть книги. Однако я не решился изменить литературный сценарий самого Лютера Флага. По этой причине вечером того же дня я направился к Фрэнку, чтобы изложить ему суть проблемы.

Было очень поздно, и, когда дверь открылась, я уже раскаивался в том, что позвонил в колокольчик. Фрэнк принял меня в майке и тех самых комичных трусах, которые мы все носили до Первой мировой. Увидев меня, он заулыбался. Но когда понял причину моего визита, выражение его лица изменилось.

– Я думал, ты пришел сдать мне готовую повесть, написанную хорошим стилем! – заявил Струб с порога.

– Но дело в том, что львы в сельве не живут, Фрэнк… – попытался оправдаться я.

– Львы? Какие еще львы? Естественно, они живут в сельве! Раз доктор Флаг говорит, что львы живут в сельве, значит они там живут! И точка! Если целый легион римлян не смог найти дороги назад, почему бы там не заблудиться какому-то паршивому льву? Или ты вообразил, что львы пользуются компасом?

– Но, Фрэнк, пигмеи не каннибалы…

– А тебе что за дело до того, каннибалы они или вегетарианцы?! – оборвал он меня. – Ты что, спятил, Томми? Или ты хочешь, чтобы Флаг съел меня живьем? Он может подать на

меня в суд и обвинить в любых грехах, стоит ему захотеть. Даже в плагиате.

В окне дома зажегся свет. Фрэнк, увидев это, распалился пуще прежнего:

– Смотри, до чего ты довел дело! Теперь еще и дети проснулись. Ты что, хочешь, чтобы им пришлось спать на улице? Ты этого добиваешься, Томми? Ты решил разорить мою семью?

– Конечно же нет, Фрэнк…

– Тогда иди домой и пиши эту идиотскую повестушку! У тебя есть еще три дня, Томми. Через три дня ты мне должен принести ее, перепечатанную на машинке в трех экземплярах. А теперь иди домой! И купи новую копирку, а то третий экземпляр читать невозможно.

Прежде чем закрыть дверь, он понизил голос. Но даже сейчас, шестьдесят лет спустя, я отчетливо слышу его слова:

– Что ты о себе вообразил, Томми? Что ты ученый? Философ? С сегодняшнего дня ты писатель, Томми, паршивый писатель.

Как я поступил? Просто отправился домой и написал «Пандору в Конго» за три дня и две ночи. Струб даже не дал мне возможности задать ему вопрос, в чем же состояла Теория Спор.

В начале главы я сказал, что эта история началась с трех похорон, однако до сих пор не показал читателю ни одного

трупа. На самом же деле история пока еще не началась. Мне просто необходимо было как следует объяснить, в чем состояла моя работа. Иными словами, если кто-то воображал, что труд литературного негра чем-нибудь привлекателен, надеюсь, теперь он разочаровался в этой гипотезе.

После «Пандоры в Конго» последовало множество подобных повестушек. Все они были столь же отвратительны, как и первая, а может, даже и хуже. В это трудно поверить, но попадались и гораздо более скверные.

Схема всегда повторялась и была до безумия патриотичной: британские следопыты оказывались самыми славными в мире, французы – страшными занудами, итальянцы – жеманными, а португальцы – совершенными троглодитами. Сюжеты отдавали милитаризмом в духе Библии: большинство героев были либо миссионерами, либо военными, а иногда и тем и другим сразу: военными капелланами. Расизм, который пронизывал повествование, казался реакционным даже для того времени. Все персонажи-африканцы делились на две категории: благородные дикари и дикари-каннибалы. Первые могли претендовать на роль покорных слуг, чей интеллект не превышал уровня восьмилетнего ребенка. О вторых я предпочитаю не вспоминать.

Что касается моих доходов, жаловаться мне не приходилось. Правда, Фрэнк платил мне мало, даже очень мало. Старикан Флаг нещадно эксплуатировал его. А поскольку я работал негром у другого негра, мне приходилось тер-

петь двойную эксплуатацию. Я принимал безоговорочно тот факт, что Фрэнк присваивал часть моих теоретических доходов. В противном случае с какой стати он стал бы давать мне работу? С другой стороны, мне было нетрудно войти в положение отца многодетного семейства.

Однажды Фрэнк не пришел на встречу в условленный час. Обычно мы встречались в небольшом пабе и обменивались материалами. Я вручал ему законченную повестушку, а он передавал мне сценарий следующей. Мы оба не любили терять время впустую. Поэтому, прождав его три четверти часа, я сильно растерялся. Только невероятные обстоятельства могли объяснить его отсутствие. Мне пришло в голову, что он заболел или кто-то из детей подцепил ветрянку, а может быть, все трое сразу. Наконец я решил сходить к нему домой.

Женщина, которая открыла мне дверь, была негритянкой. Меня удивило, что Фрэнк мог на ней жениться. В 1914 году смешанные браки представляли собой редчайшее явление, но я подумал, что, возможно, его увлечение Африкой началось именно с этого брака. Женщина казалась настоящим комком нервов. Она сказала только:

– Вы друг Фрэнка? Проходите, пожалуйста!

Она проводила меня прямиком в спальню и указала на кровать.

Действительно, обстоятельства, не позволившие Фрэнку прийти на встречу, оказались чрезвычайными: он умер.

Один его глаз смотрел вверх, а другой был закрыт, словно

подмигивал вечности. Я уже говорил, что Фрэнк не принадлежал к числу моих близких друзей, отнюдь нет. Но подобное несчастье способно взволновать любого человека.

– О, госпожа Струб! Я вам так сочувствую! – воскликнул я, заключая ее в братские объятия. – Если вам нужна помощь, если я могу что-нибудь сделать для вас или для ваших троих детей, не стесняйтесь попросить меня об этом; я все сделаю, клянусь честью. Бедный Фрэнк! Как ему не повезло!

Женщина нахмурила брови, и я понял, что мои слова показались ей странными.

– Какие дети? – спросила негритянка. – Насколько мне известно, у Фрэнка нет детей, он холостяк. – Она сразу же исправила свою оговорку: – То есть был холостяком.

Ее заявление поразило меня, и я отступил на шаг:

– Холостяком? А с кем же тогда я имею честь разговаривать?

– У нас с ним был уговор. Ночь со среды на четверг мы всегда проводили вместе. Сегодня я проснулась и увидела, что он мертв. – Она объясняла это, избегая смотреть мне в глаза. Неожиданно в ее голосе зазвучали игривые нотки. – Мне кажется, я вас знаю. Не тот ли вы молодой человек, который однажды вечером постучал в эту дверь? Я вас видела через окно.

В то время практически вся литературная продукция Лютера Флага была делом моих рук. Я выработал отличную систему и был способен кропать три повестушки в неделю. На

самом деле иногда я даже начинал писать книгу до того, как получал сценарий. Фрэнк ограничивался тем, что исправлял мою пунктуацию (мне всегда плохо давались точки и запятые, а тем более точки с запятыми), немного менял отдельные абзацы, если героям недоставало патриотизма, и вычеркивал те, в которых негры выглядели слишком умными.

Обескураженный, я опустился на стул, не выпуская из рук шляпы. Мой взгляд был устремлен на кровать, в голове роилось множество мыслей, но ничего путного я придумать не мог. Сейчас уже трудно припомнить ход моих размышлений. Прошло больше шестидесяти лет с того дня, как умер Фрэнк Струб.

– Какого большого писателя потерял мир! – сказала женщина.

Она, казалось, еще больше расстроилась.

– Да, большого писателя… – эхом повторил я.

– Вы знаете доктора Флага? – оживилась она.

Воистину ее настроение менялось с огромной скоростью.

– Да, я кое-что о нем слышал, – пробормотал я, не слишком вслушиваясь в ее слова.

– Хотите, я вам кое-что расскажу? Так вот, книги доктора Флага написал не доктор Флаг!

И она рассмеялась еще веселее.

– Неужели правда? – спросил я.

– Честное слово. А знаете, что самое смешное?

– Позвольте мне сделать предположение: повести для док-

тора Флага писал Фрэнк.

– Вовсе нет! Это было бы просто смешно, и только. А самое смешное в том, что доктор Флаг воображает, что их пишет господин Спенсер!

Я так и подскочил:

– Кто это еще такой – господин Спенсер?

– Он передает Фрэнку литературные сценарии. Господин Спенсер раньше работал негром доктора Флага. В один прекрасный день он предложил писать эти повести Фрэнку. С того дня господин Спенсер просто передавал сценарии доктора Флага бедному Фрэнку.

И она снова предалась меланхолическому настроению:

– Бедный Фрэнк. Сценарий написать может каждый. Самое главное – это написать книгу, правда? – И добавила с негодованием: – Совести у него нет, у этого Спенсера. Я всегда говорила бедному Фрэнку…

Я потребовал у нее адрес этого пресловутого Спенсера, потом надел шляпу. Женщина увидела, что я собираюсь уходить, и указала мне на кровать:

– А что мне теперь делать? Как быть с Фрэнком? Вы ведь сказали, что поможете мне.

Но в этот момент я думал лишь о тех комиссионных, которые Фрэнк положил себе в карман за мой счет, выполняя всего лишь роль посредника между неким Спенсером и мной, поэтому ответил ей:

– Мне кажется, барышня, я вам и так достаточно помог.

Женщина постаралась удержать меня за локоть. Вероятно, она поняла, кто я такой и зачем пришел в этот дом. Тоном человека, который хочет найти подтверждение своим сомнениям, негритянка спросила:

– Вы ведь писатель, правда?

Сам не знаю почему, но я почувствовал себя воришкой, которого застигли на месте преступления.

– Именно так. А вы проститутка! – выпалил я и ушел.

Мой путь лежал к дому господина Спенсера. Мною двигало убеждение, что он, как никто другой, будет заинтересован в том, чтобы я занял место Фрэнка Струба. По сути, ему лишь следовало придать официальный статус отношениям, которые уже реально существовали. А мне оставалось надеяться, что, поскольку посредничество Струба, за которое он получал свои проценты, прекратилось, мои доходы должны возрасти.

Спенсеров дома не оказалось. Сосед, который стоял, облокотившись на железную изгородь, разделявшую два садика перед домами, увидел меня и, указав пальцем в сторону улицы, сказал:

– Вы, наверное, пришли выразить соболезнование семье Спенсер? Поспешите! Похоронный кортеж отправился на кладбище десять минут назад.

Я не верил своим ушам: пресловутый Спенсер тоже был мертв. Сосед рассказал мне подробности: утром несчастный попал под трамвай. Колеса разрезали его тело на две поло-

вины, точно гильотина с мотором.

Что мне оставалось делать? Я поплелся на кладбище. Терять мне было нечего. В моей душе теплилась надежда найти кого-нибудь, знавшего о делах Спенсера, чтобы объяснить ему, кто я такой, и попросить представить Флагу. По правде говоря, мне было не совсем ясно, как действовать на кладбище. Тем не менее я отправился туда.

Найти похоронную процессию Спенсера большого труда не составило. Среди каменных плит, возвышавшихся над газоном, я увидел людей, которые окружили пастора. Он читал Библию и упоминал имя усопшего. Какой-то краснощекий толстяк с короткой шеей держался в последнем ряду присутствующих. Он был так невысок, что время от времени ему приходилось подпрыгивать, чтобы разглядеть что-нибудь за рядами голов других участников церемонии. Я приблизился к нему.

– Какая беда, какой нелепый несчастный случай, – сказал я шепотом, чтобы завязать разговор. – Смерть подкашивает самых достойных из нас.

Толстяк повернул ко мне свою голову на короткой шее:

– Это вы о Спенсере? Спенсер был редкостной сволочью. Я пришел сюда, чтобы получить назад свои деньги. – Он вдруг тихонько рассмеялся. – Говорят, бальзамистам пришлось поломать голову.

– Поломать голову?

– Именно. Спенсер попал под трамвай не один. Колеса пе-

перезали на уровне пояса двух мужчин: Спенсера и его приятеля. Поскольку на них были очень похожие брюки, достоверно не известно, ложится ли он в могилу с собственными ногами или с чужими.

Он прикрыл себе рот рукой, пытаясь сдержать смех. Я размышлял вслух:

– Какое совпадение…

– Не совсем так. Можно сказать, что это был несчастный случай на производстве. Спенсер был писателем, а его знакомый хотел передать ему инструкции для следующей книги.

– Литературный сценарий?

– Ну да, называйте как вам будет угодно. Сценарий, инструкции, руководство – кого это волнует? Они заговорились и сыграли в ящик. Такова жизнь.

– А откуда вам все это известно?

– Да он сам мне обо всем рассказал, когда взял у меня денег взаймы. Мы договорились, что он вернет через месяц всю сумму с процентами, когда получит деньги за три книжки, которые писал. Вы только подумайте! Он писал три книги одновременно! Но без инструкций он написать их не мог.

– Но почему вам известны все подробности несчастного случая?

– Потому что я сам там был. Несколько недель я следил за ним, чтобы получить долг, и знал все подробности его жизни. Спенсер и его знакомый прощались, обменявшись, как всегда, своими бумажками. И я видел, как трамвай перере-

зал их на две половины. Точнее, на четыре кусочка. – Он нахмурил брови. – Но я должен вернуть свои деньги, и, клянусь Богом, получу долг…

Меня осенило. Я схватил толстяка за рукав так крепко, что он отпрянул от меня с испугом, словно ожидая пощечины.

– А кто второй погибший? – воскликнул я. – Доктор Флаг?

– Доктор Лютер Флаг? Да вы спятили! Конечно нет! – возразил мой собеседник. – Доктор Флаг – великий писатель. Боже упаси! Я понятия не имею, какую чепуху писал Спенсер, но, если бы он писал так хорошо, как доктор Флаг, долгов бы у него не было. – Тут он приблизился ко мне еще немного. – А вы знакомы с произведениями доктора Флага?

Я размышлял вслух, устремив взор к облакам:

– Если второй погибший – не Флаг, то кто же он тогда?

– У меня есть вся серия книг доктора Флага. Кроме разве что апрельского выпуска тысяча восемьсот девяносто девятого года, которого больше нет в продаже. У вас его, случайно, нет? Я бы вам заплатил хорошую цену. – Тут он стал рассказывать: – Полк испанских солдат с Кубы отправляют преследовать корабль, на котором подняли восстание рабы. Негры захватили судно и возвращаются в Африку. Но полк испанцев не сдается и следует за противником вглубь джунглей. Там разыгрывается сражение между негритянским племенем и испанскими солдатами.

Я пришел к единственно разумному выводу, который на-

прашивался сам собой: Спенсер был просто еще одним Фрэнком Струбом. Он получал сценарии, потом сразу передавал их Фрэнку, а Фрэнк – мне. Таким образом, над Спенсером был еще один человек. Человек, который получал сценарии непосредственно от Флага и передавал их Спенсеру, Спенсер – Фрэнку, а Фрэнк – мне. И этот человек тоже погиб. Под колесами того же трамвая, что и Спенсер.

– Во время битвы прибывает английский миссионер, который сообщает воюющим сторонам, что Кубу освободили американцы и рабство отменено. И сражение теряет всякий смысл! – Толстяк жужжал над моим ухом, как шмель, мешая мне думать.

– Что за глупости, о каком еще полке вы мне рассказываете? – пробурчал я. – Откуда вдруг взялась война между африканскими племенами и испанцами с Кубы?

– Это сюжет повести, которой у меня в собрании нет. Вы помните эту книгу? Если да, то вы ее читали, а если читали, то, может быть, она у вас сохранилась. Я принимаю предложения. Сколько? Десять шиллингов? О цене мы можем договориться.

На кладбище мне больше делать было нечего. Понурив голову и предаваясь невеселым размышлениям, я поплелся к выходу. Мне казалось, что все кончено, хотя сам не понимал почему.

Почти у самых ворот я встретил еще одну похоронную процессию. Подобные церемонии похожи как две капли во-

ды. Кружок плачущих людей во главе с пастором, который восхваляет усопшего и выражает сожаление по поводу его кончины. Я не собирался задерживаться, но вдруг услышал слова «трамвай» и «несчастный случай».

Это была вторая жертва, сомнений быть не могло. Иными словами, покойный был третьим и последним звеном на пути между мной и Флагом. Среди присутствовавших на церемонии, в первом ряду, стоял человек, чья шевелюра выделялась снежной белизной.

На фотографиях на четвертой стороне обложки невозможно было разглядеть, что красный нос писателя избороздили тончайшие фиолетовые ниточки вен. Нельзя было также предположить, что он хромал на правую ногу. Но передо мной стоял именно он. Вне всякого сомнения, это был доктор Лютер Флаг. Он пришел на похороны своего негра. Надсмотрщика над неграми, если выразиться точнее.

Мне вдруг вспомнились его сценарии – вернее, примечания и комментарии. И должен признаться, что комментарии к «Пандоре в Конго» были исключительно любезными. В других случаях доктор Флаг доходил до того, что называл своего негра литературной проказой, убийцей прилагательных или безграмотным цыганом. Я подумал также, что писатель не ведал того, что негр, которому адресовались язвительные замечания последних сценариев, сейчас стоял от него в двух шагах. Мне не доводилось раньше лично встречаться с Лютером Флагом, но у меня не возникало сомнений

в том, что его шансы войти в историю в качестве Авраама Линкольна литературных негров равны нулю.

Я дождался конца церемонии и, когда люди стали расходиться, направился ему навстречу. В его взгляде с самого начала сквозило пренебрежение. Я протянул ему руку. Его руки лежали на белом набалдашнике трости, и никакого желания ответить на мой жест он не проявил. Старик просто разглядывал мои пальцы, прикидывая шансы получить при этом контакте какое-нибудь кожное заболевание. Чтобы замаскировать свои подозрения, доктор Флаг обратился ко мне мягким тоном; он говорил так, словно нас разделяло огромное расстояние:

– Я имею честь быть с вами знакомым, юноша?

– Наше знакомство опосредованно, доктор, – сказал я весело. – Я негр негра, который работал негром вашего негра.

Это была страшная ошибка. Флагу не пришло в голову, что у нас общие интересы и что я изъявляю таким способом желание заменить павших в бою. Люди вокруг нас еще не разошлись. Флаг, наверное, подумал, что они могли меня услышать и что я, таким образом, покушался на его честь. А может быть, он обладал вспыльчивым характером. Вероятно, он даже не знал о том промысле, который породило его творчество и последним звеном которого являлась моя скромная личность. Но как бы то ни было, он замер, полуоткрыв рот. Его огромный второй подбородок надулся, словно клюв пеликана, которому только что удалось заглотить целого тун-

ца. Щеки стали оранжевыми, а нос еще сильнее покраснел. И когда на его лице, точно в лабораторной колбе, забурлил гнев, когда краски стали такими угрожающе яркими, будто череп Флага в любую секунду разлетится вдребезги, из его рта изверглись слова:

– Я с вами не знаком и не имею ни малейшего намерения знакомиться. Будь я лет на двадцать моложе, я бы вызвал вас на дуэль и сразился бы с вами на саблях!

Доктор замахнулся на меня своей тростью из черного дерева, желая раскроить мне череп. Предвосхищая удар, я инстинктивно схватил трость за другой конец. Старик Флаг на мгновение забыл о своей благородной задаче уничтожить меня. Мы стали бороться за обладание тростью, словно двое мальчишек, перетягивающих канат: каждый тянул ее на себя. Все это сопровождалось глупейшим препирательством.

– Оставьте мою трость в покое! – настаивал он. – Не трогайте ее!

– Но вы же сами на меня замахнулись! – пытался вразумить его я.

– Прочь с моих глаз! Вы арабский шантажист! Фарисейский ворон! Бескрылый жук! Отпустите мою трость!

Поистине удручающая сцена. Однако эти оскорбления снесли шлюзы моего терпения. Я был архитектором на жалованье последнего трубочиста. И причиной моей нищеты был Флаг. Он прятался за стеной своего имени, созданного трудом бесчисленных литературных негров, таких же безы-

мянных и плохо оплачиваемых, как я. И теперь этот апостол литературной помойки позволял себе обрушивать на меня обвинения, каким не подвергались даже сионские мудрецы. Я изо всех сил дернул на себя трость и ответил ему:

– А вы – старый жмот, ничтожный паук, пьющий чужую кровь, и обманщик из обманщиков!

– Как вы смеете оскорблять меня! – завопил он, потянув трость на себя. – Мои произведения вдохновили двадцать пять выпусков британских военных академий!

– Может быть, именно поэтому зулусы расправились с английскими войсками у Изандлваны! А суданцы – в Хартуме! А буры – в Южной Африке! Теперь мне понятны причины наших поражений в колониях!

– Отпустите мою трость! Мне ее подарил лично император Мономотапы! Прочь отсюда, беспринципный наемник!

– Это я-то беспринципный наемник? Тогда вы – посол от литературы дурного вкуса! И сутенер от словесности! Заберите свою трость! Мне она ни к чему!

Я просто разжал пальцы. Но от накопленного в стычке напряжения Флаг шлепнулся задницей на землю и покатился кувырком. Он замер пузом кверху, точно огромная черепаха. Подобные усилия в его возрасте не проходят даром, и он лежал, открывая рот, словно рыба, вынутая из воды. Помощь подоспела незамедлительно. Услышав наше препирательство, присутствовавшие на церемонии, которые стали было расходиться, снова собрались, чтобы не пропустить по-

дробностей стычки. Один из почитателей поддерживал Флага под локоть, пытаясь помочь ему подняться; какая-то женщина, присев на корточки рядом с ним, вытирала ему лоб платком. Не стоит и говорить, что присутствующие заняли сторону моего противника.

Толпа осыпала меня проклятиями, словно осужденного на казнь, который поднимается на эшафот. Я почувствовал себя не в своей тарелке, потому что был очень молод, а молодость – это состояние души, которое очень чувствительно к несправедливости. Что мне оставалось делать? Меня все ненавидели, и никакие оправдания не смогли бы изменить положение к лучшему. Мои щеки пылали жаром духовки, а уши наверняка были краснее перцев. Я разгладил брюки ладонями со всем достоинством, на какое был способен, подобрал шляпу и удалился.

Шестьдесят лет спустя меня разбирает смех: Флаг, кладбище и вся эта сцена, похожая на оперетту. Однако в те минуты, когда я шагал по кладбищенскому газону, мне было невесело. Я был подобен котлу, в котором кипело все негодование человечества. Я успел сделать не более двадцати шагов, и тут какой-то голос внезапно сказал:

– Извините. Мне кажется, вы забыли это.

Прежде я не обратил внимания на этого человека: его бесконечно пресная внешность ничем не выделялась в толпе. Незнакомец был одет элегантно и скромно; его лысина казалась врожденной – полное отсутствие растительности делало

череп совершенным, он был как луна во время полнолуния. Черты лица, тонко прочерченные, напоминали портрет молодого Ницше. Больше ничего примечательного в его личности не было. Только тоненькая ниточка усов, не шире, чем бакенбард франта.

Должно быть, он шел за мной, потому что протягивал мне пачку листов, перевязанных бечевкой. Я уже совершенно забыл о том, что несчастья этого дня начались по вине доктора Флага. Я машинально и рассеянно протянул руку, потому что книга меня больше совершенно не интересовала. Незнакомец улыбнулся:

– Вы когда-нибудь ездили на автомобиле? Я могу подвезти вас куда хотите.

Нет, я еще ни разу в жизни не ездил в механическом экипаже. А все переживания того дня делали меня восприимчивым к любым проявлениям дружеских чувств, даже самым неожиданным. Я был из тех людей, кого проявления враждебности надолго лишают дара речи, и поэтому сел на сиденье рядом с водителем, по-прежнему не в силах раскрыть рот. В горле у меня пересохло. Незнакомец вынул небольшую фляжку с виски из бардачка автомобиля. Я сделал из нее глоток.

И рассказал ему обо всем. О моих взаимоотношениях с Фрэнком Струбом. О дурацких историях, которые я писал. О невыносимой эксплуатации, которой подвергался. О целой серии нелепостей, венцом которой я являлся. С каждым но-

вым глотком я начинал новую тему. Однако, когда весь пар из-под крышки вышел, я немного успокоился. Что делал я здесь, в этом автомобиле, рассказывая о своей жизни совершенно незнакомому человеку?

Я обратил внимание на руки, которые лежали на руле. Руки всегда выдают возраст человека. Мой добрый самаритянин был моложе, чем казался на первый взгляд. Его ногти с глубокими лунками отливали розовым цветом перьев фламинго. Лысина и усики делали его старше своих лет. Одежда в классическом стиле – тоже. Я почувствовал себя неловко. Мне вдруг пришло в голову, что незнакомец знает обо мне все, а я о нем – ничего. Я попросил его остановить машину; мы были очень близко от центра города. Мой спутник сказал, что не спешит. С покойником его не связывала близкая дружба, и он поехал на кладбище, чтобы выполнить свой долг, поэтому все утро было в его распоряжении. Однако я настоял на своем. Когда я выходил из машины, он протянул мне визитную карточку. На ней значилось: «Эдвард Нортон. Адвокат».

– Мне хотелось бы встретиться с вами еще раз, господин Томсон, – сказал мне мой новый знакомый, не выходя из автомобиля. – Очень вероятно, что наши интересы могут совпасть. Приходите ко мне завтра же, прошу вас.

– Вы воображаете, что мне может прийти в голову подать в суд на Лютера Флага? Такие люди всегда выигрывают все процессы. А мне не по карману платить гонорары адвокатам.

– Вы ошибаетесь, – рассмеялся он. – Я хотел бы поговорить с вами о совершенно ином деле. Приходите завтра к половине девятого. Мой адрес вы найдете на визитке.

Мы распрощались. Я не прошел и десятка метров по улице, как услышал его окрик:

– Томсон! Вы кое-что забыли. Вы уже второй раз теряете свой пакет. – И Нортон вторично вернул мне пакет, в котором лежали сценарий и три копии повести. – Мне очень понравилось, как вы набросились на доктора Флага. – И добавил: – Я ищу человека, способного на сильные эмоции. До завтра.

В Лондоне 1914 года было очень мало машин. На Трафальгарской площади мой путь пересек «роллс» с откинутым верхом, который вел шофер в белых перчатках. На заднем сиденье восседал приятной внешности старик с тростью, его руки покоились на набалдашнике из слоновой кости. Машина остановилась на перекрестке, уступая дорогу конному экипажу. Я воспользовался случаем и изо всех сил запустил пакет с рукописью в голову Флага, прокричав:

– Получи'те свое!

Сверток ударил его по затылку, словно камень из пращи. Надеюсь, ему было очень больно.

2

В то время я снимал комнату в бедном районе, там, где люди и мыши вели постоянную войну, никогда не доходившую до решающего сражения.

Сто лет тому назад это здание было виллой богатого семейства. Барочный орнамент на фасаде и две лестницы – одна для господ, а другая для прислуги – служили доказательством славного прошлого. Однако очередное расширение лондонских пригородов поглотило здание, что привело к его окончательному и бесповоротному упадку.

Совершенно неожиданно для себя эта горделивая загородная вилла, напоминавшая самые знаменитые курорты, оказалась включенной в городскую структуру британской столицы. Произошло это по вине «Ройал Стил» – предприятия, производившего паровозы и прочие материалы для железных дорог. Завод построили неподалеку, и вокруг появились дома с квартирами для рабочих. Выпасы и свекольные грядки превратились в бедняцкий район. Земельные участки упали в цене, богатые люди переехали в другие места, и дом потерял былой статус. Когда я там поселился, здание возвышалось среди одинаковых домов из красного вульгарного кирпича подобно потускневшей реликвии или одинокому острову.

Я объясняю все это, потому что, не зная истории дома,

невозможно было бы понять характер госпожи Пинкертон.

Когда она получила дом в собственность, у нее не оказалось иного выхода, как превратить его в пансион. Господи, от этого времени меня отделяет целая жизнь, но, несмотря на это, у меня до сих пор мурашки бегут по коже, когда кто-нибудь произносит фамилию Пинкертон.

Это была худая и высокая женщина с такой прямой и ровной спиной, словно внутри ее тела проходила труба. Мне никогда не доводилось видеть такого высоко поднятого подбородка: он всегда был устремлен кверху, к самым небесам, словно его тянул какой-то невидимый крючок.

Выражением лица эта особа напоминала кролика, который сосредоточенно жует и нюхает воздух без тени мысли в голове. Ее одежда казалась мне отвратительной. Черные башмаки, черные чулки, черная шаль, всегда черное пальто. Пучок волос на голове в форме кокосового ореха тоже отливал чернотой.

Нельзя сказать, что ее отличала какая-то особая бледность. Но поскольку никаких иных цветов, кроме черного, она не признавала, по неизбежному контрасту ее лицо наводило на мысль о маске ванильного оттенка. Она не носила траура (мне кажется, что она опечалилась только в тот день, когда умерла королева Виктория), просто черный цвет был единственным, который она принимала.

Очень скоро я понял, что именно оскорбляло ее до глубины души: госпожа Пинкертон не понимала, почему осталь-

ное человечество не столь желчно и озлобленно, как она сама. И поскольку я не мог полюбить в ней решительно ничего, я попытался хотя бы ненавидеть ее так, как ученые ненавидят вирусы: абсолютно бесстрастно. Однако мои усилия в этом направлении успехом не увенчались.

Я был одним из самых старых квартирантов и по договоренности с хозяйкой взял на себя небольшие работы по дому, чтобы сэкономить несколько пенни. В мои обязанности входило вызывать слесаря, когда засорялись трубы, разносить по комнатам жильцов приходившие письма, забирать молочные бутылки у двери. И все в таком роде. Эти задачи особой сложностью не отличались, и я выполнял их с радостью. Но вот разговоры с хозяйкой напоминали прогулки по лесу кактусов. Ее голос царапал барабанные перепонки подобно наждачной бумаге и звучал так, словно к тебе обращалась мумия из потустороннего мира, угрожая страшными карами за нарушение какого-то священного табу. Меня особенно выводили из себя ее диалектические ловушки. Пинкертон никогда не бросалась в штыковую атаку или в рукопашный бой – она нападала, подобно морской артиллерии, бомбардируя позиции врага с расстояния нескольких миль. Ничто не раздражало меня так, как ее изнуряющие обходные маневры. Она была не способна просто сказать:

– Мистер Томсон, почему почтовый ящик полон?

Или:

– Мистер Томсон, этот кран засорился.

Или:

– Мистер Томсон, где молоко?

Клянусь, я был бы ей благодарен за прямоту. Но вместо этого она произносила:

– Бывают же люди, которые забывают о своих еженедельных обязанностях.

Разговоры с ней требовали умственной гимнастики, которой не понять человеку, никогда не попадавшему в подобные ситуации. Извилины моего мозга испытывали тройную нагрузку, пытаясь ответить на все вопросы сразу:

а) О каких «людях» она говорит?

б) Какую именно «обязанность» я не выполнил?

в) О господи, ну почему она не выражается ясно?

Все это может показаться мелочью, но в действительности было делом серьезным. Человечество изобрело пытки весьма изощренные и тонкие.

Представим себе глаза, которые ищут во всем только изъяны. Уши, способные воспринимать одни ругательства. Представим себе человека, с которым невозможно вести спокойный и обыденный разговор. Стоило ей открыть рот, как мне приходилось быть начеку, предвосхищая нападение в одном из возможных направлений.

Я должен был постоянно думать, какие мысли роятся в ее голове, и это было очень утомительно. Мы напоминали профессиональных шахматистов, каждый из которых должен предвидеть действия противника на пять или шесть хо-

дов вперед.

Другой пример. Прошло несколько месяцев, пока до меня не дошло, что она ненавидит обращение «мисс». Она, естественно, не сообщила мне об этом; я пришел к этому выводу, анализируя некоторые симптомы. Каждый раз, когда кто-нибудь говорил ей «мисс Пинкертон», ее подбородок тянулся вверх, все выше и выше; ее взгляд устремлялся прямо в потолок, так что я не раз думал, что она обнаружила там протечку. Ничего подобного. Просто ей не нравилось напоминание о том, что у нее не было мужа, только и всего.

Однажды, в порядке эксперимента, я назвал ее «миссис Пинкертон» вместо «мисс», словно существовал некий воображаемый «мистер Пинкертон», и невидимое поле напряжения, которое она создавала вокруг себя, немного разрядилось. По крайней мере, на несколько минут.

Раз это воронье пугало осталось старой девой, значит мужчины не такие уж простаки, какими их считают некоторые женщины. За неимением мужа и, как следствие, детей она хотела бы стать одной из тех престижных гувернанток, которые воспитывают детей кайзера. Но у нее ничего не вышло. Ей приходилось довольствоваться судьбой содержательницы пансиона в бедном районе, и ее разочарование невозможно было измерить разумными мерками.

Госпожа Пинкертон не понимала различия между любовью и хорошим воспитанием, и, если бы кто-нибудь спросил ее, что больше всего беспокоит ее в этой жизни, она, несо-

мненно, ответила бы, что ей внушает истинный ужас возможность опоздать на собственные похороны.

Кроме самой содержательницы пансиона, другим постоянным обитателем дома была Мария-Антуанетта. Она носила имя обезглавленной французской королевы, принадлежала госпоже Пинкертон и была черепахой, самой необычной и самой извращенной из всех черепах, живших когда-либо на Земле. Родилась она без панциря или пережила его потерю, мне было неизвестно. Я совершенно не удивился бы, если бы узнал, что какой-нибудь несдержанный обитатель пансиона раздробил ее скорлупу молотком.

Дело в том, что Мария-Антуанетта обладала сквернейшим характером. Любое домашнее животное, даже попугайчики-неразлучники, способно воспринять основные нормы поведения и команды: «лежать», «молчи», «пошел вон» и так далее. Для Марии-Антуанетты мир был устроен наоборот: она считала, что человеческие существа должны были во всем подчиняться ей.

Черепаха без панциря – это явление исключительное. Если подумать хорошенько, черепахи вообще довольно странные животные: слоновьи ноги, уменьшенные в размере, клюв попугая и смехотворный хвостик. А Марии-Антуанетте, кроме того, недоставало панциря.

Смотреть на ее худющее, словно сосиска, тельце, обтянутое шелушащейся кожей рептилии, было противно. Не имея ни малейшей возможности спрятать куда-нибудь голову, она

горделиво вытягивала шею, словно трубу перископа, бросая вызов тем представителям рода человеческого, которые отважились бы высказаться неуважительно об уродстве сего вездесущего создания. Ибо Мария-Антуанетта ни на минуту не останавливалась, передвигаясь судорожными бросками пловца, страдающего эпилепсией.

Невозможно было привыкнуть к этому зрелищу: черепаха, которая бегает, как таракан, освободившись от груза своего панциря. Временами можно было видеть ее тень, которая мелькала вдоль стен, огибая углы. Мария-Антуанетта ненавидела всех, кого пугал ее облик. А это означало род человеческий в целом и Томми Томсона в частности.

Забудем на некоторое время о Марии-Антуанетте. Больше всего меня удивляли те странные отношения, которые поддерживали Пинкертонша и мистер Макмагон. Несмотря на шотландскую фамилию, он был ирландцем. Существует предубеждение, что все ирландцы – пьяницы, шутники и грубияны, а я считаю, что писатели должны избегать упрощающих реальность стереотипов. Однако Макмагон был именно таким. Католик, отец семерых детей (а может быть, восьмерых, я точно не помню), большой шутник. Его поведение, особенно за столом, покоробило бы, наверное, даже команду пиратского корабля.

Он поселился в пансионе немного позднее, чем я. Его мускулы с годами потеряли былую упругость, но вырисовывались под кожей, точно стволы канадских секвой. Коротко

подстриженные, как у моряков, волосы были густыми, словно щетка. Он приехал в Лондон, как большинство его соотечественников, в поисках более достойной оплаты своего труда, чем та, которую ему предлагали в его бедной стране. Я думал, что он и трех дней не задержится в пансионе и что Пинкертонша упечет его в тюрьму или прямиком в сумасшедший дом.

Макмагон работал от зари до зари на фабрике «Ройал Стил». Поздно вечером он возвращался в пансион, грязный и с закопченным лицом. О его появлении можно было судить по полосе сажи, которая тянулась по всему коридору.

Мне вспоминается выражение лица Пинкертонши, когда она обнаружила сие явление впервые. Хозяйка пансиона напоминала биолога, шагающего по следу неизвестного науке животного: огромной улитки весом в целую тонну, которая оставляет за собой смоляной след. Пинкертонша продвигалась по коридору, согнувшись кочергой, не веря своим глазам, пока не уперлась в дверь комнаты Макмагона. От ужаса она замерла, словно превратилась в соляной столп. В данном случае не белый, а черный.

Вечером того же дня я не мог сдержать смеха, а она – слез. Все обитатели пансиона уже ужинали, когда Макмагон появился за столом. Он стал накладывать еду в свою тарелку, шмыгая носом, кашляя, чихая и прочищая глотку, словно она у него была покрыта китовым усом. Мистер Макмагон не просто ел: он заглатывал картофелины, как крокодил –

мясо зебры. Этот человек обладал способностью поглощать пищу, совершая одновременно пять различных действий: он жевал, прочищал горло, проглатывал еду, говорил и пел.

В те дни в пансионе было мало постояльцев – всего два или три, и за столом царила скука. Мы почти не говорили друг с другом, потому что нам нечего было друг другу сказать. Макмагон понял эту ситуацию на свой лад.

– Что это вы такие грустные? – сказал он задорно. – Давайте-ка я вам сейчас спою ирландскую песню.

И он спел нам веселую ирландскую песню. Не припомню, имела ли она успех, но могу уверить вас, что под ее воздействием белое с ванильным оттенком лицо Пинкертонши стало серебристо-зеленым.

По утрам в воскресенье Макмагон любил разгуливать по дому босым, в брюках на кожаных подтяжках. Никакой другой одежды на нем не было. Его всегда можно было застать в комнате отдыха. Этот маленький салон был заставлен креслами, на стенах висели скверные портреты представителей рода Пинкертонов, в углу стояло старое пианино, которому не доводилось звучать ни разу за последние тридцать лет. Макмагон взял на себя смелость превратить салон в некое подобие мастерской. Он чинил здесь любую домашнюю утварь, сломанную или пришедшую в негодность. Швейные машинки, замки, этажерки и башмаки. Ирландец проводил так свой досуг, а мы сберегали с его помощью несколько грошей, поэтому Пинкертонша даже не осмелива-

лась протестовать. Выходные дни Макмагон проводил там за работой, раздетый до пояса, распевая свои песни и почесывая себе грудь и живот, надутый как барабан и такой же волосатый, как его грудь. По мнению Пинкертонши, это зрелище походило на римскую оргию, как никакая иная картина, виденная ею в жизни.

Ирландец был человеком практичным. И весьма толстокожим. Я думаю, что в пустыне Калахари найдутся камни почувствительнее, чем мистер Макмагон. Однажды он попросил у меня одну из моих книжонок доктора Флага. Я дал ему один экземпляр и стал ждать: мне было любопытно узнать, какими принципами он обоснует свою оценку.

– Спасибо, Томми, – сказал он три дня спустя, возвращая мне книгу, – я уже починил ножку кровати. Она была немного короче других, а Библия оказалась слишком толстой.

В другой раз ему пришлось поехать в Ирландию за какими-то документами. Он оставил бланк телеграммы, которую отправил своей жене, на столике в салоне. Послание гласило: «Приезжаю пароме будущей неделе ТЧК вымойся ТЧК».

Но самым ужасным было то, что Макмагон отчаянно пукал. Концерт за его дверью начинался около полуночи и был слышен на всем этаже и в доброй половине дома. Я не преувеличиваю.

Сосуществуя с Макмагоном, я пришел к выводу, что этот человек научился пукать четырьмя разными способами. Первую разновидность пуков я назвал «Биг-Бен», они разда-

вались через равные промежутки времени, словно били башенные часы. Пук, пауза, пук, пауза, и так до двенадцати раз.

Вторую я окрестил пуками «викерс»; они были не столь звучными, но извергались в ритме очередей пулемета «викерс». В отличие от первой разновидности, их количество было произвольным: десять, двадцать либо тридцать. По уровню издаваемого шума они в точности повторяли друг друга: Макмагон в совершенстве контролировал раскрытие сфинктера и количество выпускаемого газа. Лишь иногда ирландец терял контроль, и тогда пуки звучали встревоженной стаей диких уток: кря-кря-кря.

Третью разновидность я назвал «скрипичными» пуками: их тонкие и продолжительные рулады напоминали мяуканье котенка, который не может найти свою мать. Эти выводили меня из себя больше других.

И наконец, последняя, четвертая разновидность – пуки «доктор Флаг». Я дал им такое название в честь одной из его повестей. В ней рассказывалось о некоем подобии всеафриканского потопа, предназначенного для того, чтобы избавить Африку от язычества, и начиналась она со страшного раската грома – одного-единственного, но мощнейшего.

Пук «доктор Флаг» раздавался без всякого предупреждения, и спасения от него не было. Когда взрывался «доктор Флаг», все обитатели пансиона просыпались и больше не могли сомкнуть глаз. Это был единственный пук, но подобный бомбам такого калибра, который в 1914 году еще не был

изобретен ни одним военным инженером. Землетрясение заставляло нас открыть глаза, и, застигнутые врасплох, мы с ужасом взирали на перекрытия потолка. Я был единственным жильцом пансиона, который поддерживал с ирландцем дружеские отношения, и потому осмелился тактично обратить его внимание на некоторые неудобства, связанные с его привычкой. Каков был его ответ? «Воздух дурной – из тела долой».

Почему госпожа Пинкертон не выставила его вон из своего заведения? На этот вопрос нелегко ответить. Больше всего меня удивляло то, что по отношению к ирландцу эта женщина никогда не использовала свои изощренные методы. В обращении с ним она выдерживала абсолютно нейтральный тон, исключающий какие бы то ни было колебания.

Пинкертонша смотрела на господина Макмагона спокойным, внимательным и проницательным взглядом. Это выражение могло означать все, что угодно, или не означать совершенно ничего. Она ни во что не вмешивалась и не высказывала своего мнения.

Я думаю, что ирландец ее обескураживал. Хозяйка пансиона каким-то особым чутьем понимала, что ее изощренная злокозненность не может задеть Макмагона, слишком грубого, чтобы ее понять: так даже самый назойливый комар не способен проколоть кожу слона. Возможно также, что этот человек пробуждал в ней противоречивые чувства.

Как я уже говорил, Пинкертонша происходила из разо-

ривщейся буржуазной семьи и бежала от пролетариев как от чумы. Однако в личности Макмагона странным образом сочетались моральные ценности рабочего класса и буржуазное воспитание.

Приведу пример: когда у него вырывалось случайно одно из ужасных ирландских ругательств, он всегда сопровождал его учтивейшим «прошу прощения, госпожа Пинкертон». Или еще: по воскресеньям он действительно ходил по дому полураздетым, но до этого всегда посещал церковь. А уж в его ответственности как главы семьи никто не мог усомниться: он работал как вол и весь его заработок направлялся в Ирландию.

Надо сказать, что этот человек стремился делать людям приятное. После службы в церкви мистер Макмагон всегда возвращался с букетом цветов для госпожи Пинкертон.

– Надо бы положить немного мыла в вазу, – говорил Макмагон. – Так цветы дольше будут стоять.

– Вы в этом уверены? А мне говорили, что питьевая сода на них действует лучше.

– Питьевая сода вместо мыла? Гмм… Давайте попробуем.

Оказавшись вместе, эти люди умели самым неожиданным образом перевести любую тему разговора – даже цветы – в плоскость сугубо техническую. Они усаживались напротив вазы, устремив на нее взоры, подобно человеку, который надеется увидеть, как растет дерево, и целыми часами обсуждали преимущества добавления в воду питьевой соды или

мыла. Человеку незнакомому эта сцена могла бы показаться лишенной всякого смысла. Пинкертонша обладала удивительной способностью поглощать весь кислород в том помещении, где находилась. Но Макмагон производил двойную его порцию, и таким образом устанавливалось некое гомеостатическое равновесие. Мне кажется, что даже они сами не отдавали себе в этом отчета.

Оставалась, правда, проблема пуков. Однако, по сути дела, Макмагон пукал исключительно в своей комнате. А право на частную жизнь является одним из великих достижений современной культуры.

Что могло помешать человеку пукать у себя в комнате? У себя в комнате человек имеет равное право пукать или плакать. В первых числах месяца, после получки, ирландец напивался пьяным. Это было единственное излишество, которое он себе позволял. Всю ночь было слышно, как он плачет, пьяный в стельку, называя имена жены и семерых или восьмерых детей, постанывая и всхлипывая. Это дает мне возможность привести здесь пример тех запутанных и безысходных диалогов, которые обычно вели миссис Пинкертон и ваш покорный слуга. Она как-то сказала мне:

– Мистер Макмагон плачет.

Естественно, намерения госпожи Пинкертон не ограничивались простой констатацией объективного явления. Она пыталась внушить мне, что «это» раздражает как ее лично, так и других постояльцев, что «кто-нибудь» должен прекра-

тить, остановить или запретить плач мистера Макмагона и что этот «кто-нибудь» – как раз я, Томас Томсон.

Дело в том, что самые сильные эмоции госпожи Пинкертон вызывало рождественское поздравление, которое она получала ежегодно от страховой компании, посылавшей одну и ту же открытку всем своим клиентам, более двадцати лет сохранявшим страховой полис на объекты недвижимости.

Такой особе стоило большого труда понять простую истину: человек на чужбине, вдали от родных, может плакать от горя. Я думаю, что людские чувства вызывали у нее такой же ужас, как у читателей доктора Флага – африканские джунгли. Она просто не имела понятия о том, какие опасности скрывались в этой области, а потому любые проявления эмоций вызывали у нее подозрения. И если какое-нибудь чувство осмеливалось неосторожно проклюнуться, хозяйка пансиона подавляла его, словно племя каннибалов, восставших против британской администрации.

Мой ответ прозвучал весьма лаконично:

– Зайдите туда и скажите ему все сами.

Этот конкретный диалог я запомнил лишь потому, что он вызвал конкретные последствия: госпожа Пинкертон никогда больше ни словом не упомянула плач мистера Макмагона и не просила меня воздействовать на соседа.

Из моего предшествующего рассказа можно было бы, наверное, заключить, что я был довольно несчастлив. Совсем

наоборот. Не следует путать аллергию с весенним цветением. На самом деле это была самая веселая и беззаботная пора моей жизни.

Моя комната располагалась в дальнем конце коридора. Благодаря этому я оставался на достаточно безопасном расстоянии от Пинкертонши, Макмагона и прочих жильцов. Из окна комнаты вдалеке виднелись фабричные трубы «Ройал Стил». Рабочие смены определяли распорядок дня нашего района. Мне удалось насчитать восемнадцать различных оттенков серого цвета: серые оттенки облаков, фасадов домов, крыш, проезжей части улицы, тротуаров и брусчатки. Когда шел дождь, каждый оттенок, в свою очередь, получал дополнительную краску. Меня это нисколько не огорчало.

Обстановка в моей комнате была столь же незатейливой, как у Ван Гога, а может быть, даже еще проще. Стол, стул, кровать, шкаф и самое ценное мое имущество: современнейшая пишущая машинка. Если кому-то из вас непонятен мой тон, вспомните, что шел 1914 год, а я был начинающим писателем.

Я воспитывался в казенном детском доме, где получил вполне приличное образование, хотя в то время подобные заведения такой цели перед собой обычно не ставили. В начале века воспитанники содержались в детских домах до пятнадцати лет. Но я чувствовал себя там настолько хорошо, а воспитатели были так довольны мной, что, используя всевозможные юридические зацепки, смогли добиться того, что

я провел там еще четыре года. На протяжении этих дополнительных четырех лет я в основном работал в библиотеке учреждения. Эти годы развили во мне любовь к книге.

Эта страсть была столь сильна, что, решив добровольно покинуть детский дом в возрасте девятнадцати лет, я имел твердое намерение посвятить свою жизнь литературе. Перед моим уходом мне оплатили строго по счетам четырехлетнюю работу в качестве помощника библиотекаря. Лучшего подарка на прощание нельзя было придумать, потому что на эти деньги я мог безбедно существовать в течение некоторого времени и заниматься литературой.

Так или иначе, я устроился в пансионе, серьезно рассчитывая стать писателем, и старался жить совершенно по-спартански. Мне удавалось подстраивать свой рабочий день под гудки «Ройал Стил». Ранним утром я заносил указательный палец над клавишами пишущей машинки и ждал только пронзительного воя сирены, чтобы опустить палец на клавишу, а потом писал и писал, пока заводской гудок не объявлял мне о конце рабочего дня. Я жил в буквальном смысле этого слова как труженик пера.

В те дни я посещал заседания кружка молодых писателей, которые возмещали отсутствие таланта своим занудством. Там я и познакомился с Фрэнком Струбом. Он появился всего один-единственный раз. По здравом размышлении мне становится ясно, что Фрэнк пришел в наш кружок только ради того, чтобы поймать такого неоперившегося птенца,

как я.

Представившись, он прочитал несколько страниц моих опусов и договорился со мной о встрече в дешевом ресторане в северной части Лондона. Конец этой истории вам известен. Вам жалко Струба? Жалеть следовало бы меня.

Дверь в кабинет мне открыл сам Эдвард Нортон. Его одежда была столь же безупречна, как и на кладбище: галстук, сияющая белизной рубашка, а поверх нее шелковый жилет. Коридор вел прямо в комнату, где он устроил свой кабинет. На самом деле это была парадная часть квартиры, в которой жил адвокат. Это ничуть не вредило его профессиональному престижу. Напротив, предельная скромность обстановки делала ему честь, ибо Нортон не предпринимал никаких усилий, чтобы ввести клиентов в заблуждение: его контора была заведением адвоката, который только начинал свою карьеру. Стены были обшиты деревянными панелями до уровня глаз: древесина всегда создает уютную обстановку.

В день нашего знакомства я был раним и не готов к защите. На сей раз мне не хотелось позволить Нортону застать меня врасплох. Я отдавал себе отчет в том, что передо мной окажется профессионал, способный играть свою роль как во время судебных заседаний, так и в повседневной жизни. Человек, умеющий контролировать каждый свой жест до последнего миллиметра. Некто, точно отмерявший информа-

цию, знавший в совершенстве, что ему следует и чего не следует говорить, до последнего слова. Я упрекал его за это? И да и нет. В конце концов, адвокаты подобны врачам: если они хорошие, вам никогда не узнать, что у них на уме.

Нортон не замедлил использовать свои приемы морального давления. Он пригласил меня сесть напротив и сказал:

– Одну минутку, и я буду в вашем распоряжении.

На протяжении целой минуты, долгой как вечность, он писал что-то дорогой авторучкой. Мне показалось, что это был не более чем прием; он просто рисовал каракули на бумаге. Но он вынуждал меня ждать. Таким образом он подчеркивал свою значимость и умалял мою, ибо тот, кто заставляет ждать, всегда занимает более высокое положение, чем ждущий. Мне не оставалось ничего другого, как разглядывать его тонкие усики и совершенную лысину.

Наконец он отложил авторучку и сделал жест, который мне предстояло увидеть еще множество раз: пальцы обеих рук, соединенные вместе, образовывали небольшую пирамиду, в которую он упирался кончиком носа. Меня для него не существовало. После нескольких секунд сосредоточенной работы мысли он обратился ко мне:

– Посмотрите, что я прочитал вчера вечером.

И он указал мне на книжонку доктора Флага, которая покоилась на уголке стола. По чистой случайности это была та самая повесть, с которой началась моя карьера литературного негра, – «Пандора в Конго».

– Ее написали вы?

– Имя на обложке не мое, – уточнил я, – но книга действительно написана мной.

– У вас живое перо. Я всегда восхищался авторами, которые могут так писать. Мне самому хотелось бы попробовать счастья на литературном поприще, если бы не врожденное отсутствие воображения. А ваш литературный дар достался вам по наследству?

– Я не знаю своих родителей, – сказал я. – Я воспитывался в детском приюте.

– Простите меня. У вас, наверное, было очень тяжелое детство.

– Я был невероятно счастлив.

Детские приюты пользовались чрезвычайно дурной славой, поэтому мой ответ его обескуражил. Поскольку Нортон был человеком крайне самоуверенным, я почувствовал гордость и удовлетворение, когда мне удалось сбить его с толку. Он вернулся к литературной теме:

– Как вам удается создать из ничего целую историю?

– Я ничего не создаю, просто следую сценарию, – пояснил я сухо. – Я ничего не придумываю, только заполняю пробелы.

Нортон покачал головой.

– Возможно, вы и правы, – сказал он тоном человека, который признает свое невежество в какой-то области, – но я по-прежнему считаю, что у вас живое перо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.